

Кэрол Стин: «Я думать не могла тогда, в ноябре 1995 года, что синестезия станет настолько известна во всем мире, получит признание, одобрение и даже станет объектом зависти...»

Кэрол Стин – художница, писатель, синестет, со-основатель и член правления Американской синестетической ассоциации (ASA) с 1995 года. Получила степень магистра изящных искусств в Академии искусств Кранбрука. Ее работы находятся во многих публичных коллекциях, в том числе в Библиотеке Конгресса США, в Институте искусств Детройта и в галерее МакЛафлина в Канаде. Ее работы выставлялась на более 20 персональных и 70 групповых экспозициях. Обладатель стипендий, в том числе от Колонии Макдауэлл и престижно-

го Нью-Йоркского Фонда искусств. Принимала участие в документальных фильмах по всему миру, в том числе «60 минут» на BBC и NPR. Ее имя появлялось на страницах более чем 40 книг и журналов, в их числе WALLall Street Journal, Newsweek, и New York Times. Выступала с лекциями в Кембриджском университете в Великобритании, Centro Nacional de las Artes в Мехико, Арт-центр Берчфилд-Пенни в Буффало, Нью-Йорк, Королевском институте в Лондоне (при Суссекском университете) и других. Ее глава «Синестезия и художественный процесс» (в соавторстве с Гретой Берман), рассказывает о художниках-синестетах (Oxford Handbook of Synesthesia, OUP, 2013). Преподаватель цифрового дизайна в колледже Торо (Touro College) и Университете Система в Нью-Йорке.

Расскажите, как вы узнали, что у вас синестезия, и о своих самых ранних воспоминаниях о ней. Насколько синестезия повлияла на ваше понимание того, кем вы являетесь, и на ваше творчество? Играет ли синестезия какую-то еще роль в вашей жизни, помимо искусства и творчества? Есть ли какие-то «необычные» мыслительные процессы или что-то, что кажется необъяснимым в работе вашего ума?

Иногда то, что кажется невезением, может оказаться скрытой удачей. Мне было семь лет, когда я в один осенний день по дороге домой из начальной школы сказала своей лучшей подруге, что буква «А» – это самый красивый розовый, который я когда-либо видела. Я думала, она согласится. Вместо этого она остановилась, повернулась ко мне и сказала:

«Ты странная». Я была очень задета ее реакцией, но у меня не оказалось тогда ни ответа, ни защиты, ни объяснения. Мы продолжили путь домой, но уже в тишине. С тех пор мы не разговаривали. Мне тогда было невдомек, что то, что я описала, было одной из наиболее распространенных форм синестезии, и то, что я запомню этот разговор до конца своей жизни. Это откровение также четко напоминает мне о том возрасте, когда я осознала, что вижу мир по-другому. Однако осознание моего отличия не позволяло мне говорить о своих цветных буквах или любых других синестетических восприятиях до тех пор, пока мне не исполнилось двадцать. Я знала, что молчать безопаснее, но это не означало, что я перестала наблюдать за своим восприятием. В детстве у меня было очень много вопросов, но мне их было совершенно некому задать. Чего-то подобного интернету тогда еще не было. Я была одна. Но это было давно, и с тех пор произошло так много всего. Много удивительного.

Я выросла в семье художников и всегда была окружена творчеством в том или ином его средстве воплощения. С раннего детства я знала, что искусство – это именно то, чем я хочу заниматься. Возможно, потому что мой отец был скульптором и моим первым учителем, так что моя семья в конце концов смирилась с тем, что это мой путь. Тогда я не знала, что мой отец тоже был синестетом, таким же одиноким, как я. Возможно, он любил скульптуру по тем же причинам, что и я. Скульптура не требует использования большого количества цвета. Цвета рабочих материалов – глины, дерева, гипса и металлов – ограничены различными оттенками естественных фактур. Это было подходящее изобразительное средство для меня, хороший способ не отвлекаться на мои синестетические цвета. Я обратилась к живописи в цвете только много-много лет спустя. Как оказалось, для работы с цветом мне сначала нужно было узнать о синестезии. Затем я должна была найти в себе смелость нарушить многие правила, которым меня научил мой формальный традиционный опыт. Мой переход к цвету произошел случайно, и происходило это примерно в то же время, когда я стала узнавать о синестезии.

Я использую свою цветную боль в диагностических целях. Цвета моего плохого состояния здоровья или боли всегда точны и, если они проявляются, они могут сказать, больна ли я, какая часть моего тела нуждается в лечении и насколько сильно оно необходимо. Видеть черное в любом месте очень плохой знак, означающий, что мне безотлагательно нужно лечение. Оранжевый означает, что в ближайшее время у меня будут боли. Когда я повредила левое колено, занимаясь спортом, все, что я видела с открытыми глазами, было того или иного оранжевого оттенка. Но боль я почувствовала только тогда, когда ко мне вернулось мое нормальное цветное зрение. Сложность с этой особой синестетической способностью заключается в том, чтобы убедить врачей, что видимые мной цвета действительно являются предупреждением

о надвигающейся проблеме. Без физического проявления проблемы врачи считают, что все в порядке. Сначала мои врачи игнорировали мои синестетические прогнозы, но когда физические симптомы стали проявляться вскоре после этого, и я возвращалась в клинику, они оба были удивлены моей точностью и стали более внимательными к моим прогнозам. Я продолжаю рассказывать своим врачам о своем синестетическом восприятии, показываю им многочисленные статьи на эту тему. Это помогает им помочь мне.

Около 6 лет назад я начала испытывать гипнагогические видения. Гипнагогия – это нормальное состояние сознания, когда видения появляются между бодрствованием и засыпанием. В 2017 году у меня вышла статья «Синестетические фотизмы и гипнагогические видения: сравнение» (Multisensory Research, Brill, том 30, выпуск 3–5). Я начала расспрашивать других синестетов, испытывали ли они гипнагогические видения, и если да, то что именно они видели. Многие синестеты сказали, что видят подобное, и мне стало интересно, есть ли связь между синестезией и гипнагогией? Поскольку у синестезии есть триггеры, а у гипнагогии – нет, что это может быть за связь?

О чем говорит вам ваша синестезия? Чему синестезия может научить других? Другими словами, что такого может знать синестет о своем сознании, мире или искусстве, что не очевидно или не «открыто» для несинестетов?

Во многом синестезия помогает мне запоминать. Я без труда помню номера телефонов, номерные знаки и другие комбинации цифр и букв из-за их цвета. Синестезия помогает моему правописанию, но точно не пунктуации. Запятые чёрные, и я люблю обильно «рассыпать» их в своих работах, чёрные запятые делают цветные буквы ярче. Моя синестезия пригождается мне и в иных случаях. Я готовлю по цветам от запахов. Я слышу некоторые цветные звуки, но не могу определить, какие это ноты, например, при загрузке компьютера. Если бы я могла вспомнить название цветной ноты, у меня был бы абсолютный слух, но я не уделяла этому достаточно внимания.

У некоторых людей, которых я вижу, есть ауры. Но не у всех. Эта форма для меня довольно новая и только-только развивается. Например, если я вижу вокруг кого-то ауру определенного розового оттенка, я знаю, что этот человек, возможно, употребляет запрещенные препараты, и стараюсь его избегать. Мой классный журнал в колледже организован по цветам имен моих студентов. Если кто-то из учеников говорит, что пропустил урок из-за проблем в семье, но я не чувствую оранжевого холодка, пробегающего по позвоночнику, я этому не верю. Вслух я этого не произношу. Мой муж – скульптор, и он часто приходит домой с небольшими порезами на пальцах. Когда я замечаю, что он поранился,

то мгновенно чувствую тот самый оранжевый холод по позвоночнику. Кроме того, когда я вижу, что кто-то выглядит неважно, у меня возникает такое же чувство. Некоторые исследователи называют это зеркальным прикосновением, но я думаю, что это сочувствие.

Мы все видим мир по-разному. Было бы здорово, если бы все об этом знали. Мы, синестеты, уникальны в нашем синестетическом восприятии. Несинестеты индивидуальны. Мы знаем, что другие с такой же синестезией могут видеть так же, как видим мы, но это не абсолютно то же самое. И мы, синестеты, всегда проводим сравнения, пытаюсь понять различия и сходства между нами. Несинестеты предполагают, что все синестеты видят одинаково. Наши «мультимедийное» восприятие, хотя и уникально для каждого синестета, может помочь нам понять многие аспекты, которые синестезия добавляет к любому опыту. Это обогащает наше знания и восприятие таким образом, который непонятен несинестетам. Это похоже на поход по магазинам – можно увидеть одежду, но мы получаем больше информации, касаясь ткани, рассматривая цвет, форму, текстуру одежды и т.д.

Недавно одна моя хорошая подруга, которая не является синестетом, радостно сообщила мне, что испытала ощущение движущихся цветов. Зная, что она когда-то читала мои статьи о синестезии, я просила, были ли мои описания цветных, движущихся форм точными. Она с энтузиазмом согласилась. Хотя ее опыт был мимолетным и однократным, она увидела то, что можем видеть мы, и стала одной из нас! И теперь она лучше понимает сложное, многогранное богатство нашего необычного, межсенсорного восприятия.

Как бы вы описали совершенное произведение синестетического искусства, или идеальный опыт, который был бы наиболее «резонирующим» с вашей синестезией? Как вы думаете, что делает синестезию частью искусства?

Я не знаю, как описать совершенное произведение искусства, синестетическое или нет, или идеальный опыт, который был бы наиболее «резонирующим» с моей синестезией. Искусство невыразимо. Философски я отвечу так, как Абинавагупта (ок. 950–1016 гг. н.э., философ, мистик и эстетик из Кашмира) написал в 10-м или 11-м веке. Сравнивая искусство с изысканнейшей классической индийской кухней, которая отличается большим количеством сложных правил, он сказал, что лучшая еда должна иметь много разных «рас» или вкусов. Эти вкусы должны быть гармоничными. Например, острая пища должна сочетаться с более спокойными ингредиентами, важно разнообразие текстур, также учитывать учитывать и другие ощущения, такие как различие температур продуктов и т.д. Он сказал, что великое искусство должно быть похожим на классическую индийскую кухню. В одном и том же про-

изведении должно быть много качеств, которые он описал как девять «рас»-настроений, к которым должно обращаться великое искусство: злое, героическое, жалкое, эротическое, космическое, ужасное, одиозное, безмятежное и чудесное. Он говорил, что из этих девяти самой важной является чудесное. Синестезия часто показывает мне чудеса.

Вы помните свою первую встречу с другим синестетом? Вам понятны другие разновидности синестезии, которых у вас нет? Какую синестезию вы хотели бы испытать? Какой тип синестезии вы бы создали, если бы могли?

Мой отец был синестетом, но неохотно об этом рассказывал. Я всегда буду помнить день, когда я вернулась домой из колледжа на каникулы. Как обычно, когда дома собиралась вместе вся семья, мы ужинали в столовой. Отец был художником, и мы привыкли говорить на самые разные темы. В тот день во время ужина царило радостное молчание. Воспользовавшись тишиной, я, не знаю почему, вдруг объявила: «Цифра пять – желтая». Отец посмотрел на меня и сразу же добавил: «Нет, желтая охра». Мама и брат смотрели друг на друга в замешательстве, была ли это новая игра, о которой им не было ничего известно. Отец не уловил их недоумения, поэтому я быстро спросила его, какого цвета числа 2 и 6. Для меня оба были одинакового значения, но одно было зеленым, а другое – синим, я просто не была уверена, какая цифра какого цвета. Отец сказал: «Два – зеленое». Затем он заметил интерес на лицах матери и брата и умолк. В то время не было никакой информации о синестезии, и я даже не знала, что у этой способности есть название. Я пыталась пораспрашивать его еще, но он сменил тему. В течение следующих тридцати лет он отказывался говорить о своих цветных цифрах и буквах. Наконец, когда какая-то информация о синестезии стала появляться в СМИ, он стал говорить о своих цветах, но делал это сдержанно, как будто не был уверен, можно ли вообще обсуждать синестезию.

Я понимаю некоторые разновидности синестезии, которых у меня нет, либо потому, что они кажутся похожими на те формы, которыми я обладаю, либо потому, что я когда-то их однократно испытывала. Например, у меня нет связи вкуса со звуками, но однажды, когда я слушала понравившуюся мне песню, я заметила, что, когда играл припев, я почувствовала на внешнем крае языка вкус табака. Я проигрывала эту песню, наверное, раз 10 подряд, чтобы убедиться и перепроверить свое ощущение. И каждый раз, когда я слышала припев, у меня на языке появлялся вкус табака. Но когда я включила песню на следующий день, ничего не произошло, никакого вкуса не было. Не знаю, почему это произошло, но теперь я лучше понимаю тех, для кого тот или иной триггер провоцирует вкус.

У меня нет пространственно-временной синестезии, но я бы хотела ее испытывать. У меня ужасное чувство ориентации в пространстве, я пу-

таю лево и право, и еще во времена кассет, когда песни были записаны на обеих сторонах, я никогда не могла определить сторону, на которой была записана нужная мне песня. Часто мне приходилось слушать с самого начала и все подряд, пока не доходило до песни, которую я хотела прослушать. Я всегда задавалась вопросом, могла ли мне быть полезна пространственно-временная синестезия. Хотя я знаю синестета, у которой она есть, но ее чувство ориентации такое же плохое, как и у меня. Если бы был способ слышать язык, которого человек не знает, и мгновенно переводить его, это был бы превосходный синестетический навык.

Мы с Гретой Берман написали главу «Синестезия и художественный процесс» для Оксфордского пособия по синестезии (Oxford Handbook of Synaesthesia, Oxford University Press, Великобритания, 2013). В ней мы подробно рассказываем о свидетельствах синестезии, которые можно найти в работах художников, которые могли знать, а могли и не знать, что были синестетами. Там же мы исследуем, на что нужно обращать внимание в произведениях искусства.

Какое ваше произведение вы считаете наиболее подверженным влиянию синестезии или отражающим вашу синестезию? Вы помните, как вы написали эту картину? Как вы считаете, какие другие художники, не осознавая того, были синестетами?

Еще некоторое время назад дискуссии о синестезии были редким явлением. Только когда СМИ открыли для себя синестезию по этой теме и появились книги, доклады и научные статьи, я почувствовала себя достаточно комфортно, чтобы рассказать людям о своих способностях. Обычно меня спрашивали: «Как выглядит то, что вы видите?» Я часто пыталась описать то, что видела, а также то, что вызвало эти ощущения, но быстро поняла, что слова не могут в полной мере объяснить это. В отчаянии я написала картину, которую назвала «Видение». Это было в первый раз, когда я рисовала только свои синестетические фотизмы. Так у меня появилось что-то, что я могла показать людям. Я могла просто указать на свою картину, когда мне нужно было описать, как формировались мои видения, как они появляются и исчезают, как движутся, во что превращаются и как долго я могу их видеть. Хотя я до сих пор не могу объяснить, почему я вижу то, что вижу.

Однажды во время сеанса иглоукальвания я увидела необычное видение. Началось оно с крошечной яркой точки, которая взорвалась и вылилась в форму красного пузыря. Поверх этой красной формы появились многочисленные зеленые фигуры с хвостиками, похожие на запятые. Они появились в поле зрения и стали согласованно перемещаться, как стадо животных. Вскоре стали появляться другие фигуры и принялись перемещаться поверх или позади других движущихся форм. Черный фон тоже плавно перемещался. Когда иглотерапевт стал одну за другой вытаскивать иглы, изображение застыло, и все,

что я наблюдала, исчезало, по мере того, как все иглы были удалены. Я сразу же пошла домой и по памяти нарисовала то, что увидела. Эта картина представляет собой некоторое упрощенное изображение моего опыта, но верно отражает суть увиденного.

У меня есть длинный список художников, которые, по моему мнению, могли быть синестетами. Поскольку я все еще занимаюсь исследованиями, я бы предпочла поделиться этим в следующей своей статье.

Припоминаете ли вы какие-либо значимые события в жизни, которые могли сыграть роль в развитии или усилении синестезии? Какие внешние факторы и условия способствуют или препятствуют вашей синестезии? Делали ли вы когда-нибудь что-нибудь «против» своей синестезии; например, пытались ли подавить ее или испытать что-то, не совпадающее с вашей синестетической реакцией?

Был 31 августа 1993 года в 13:00, день, когда я, наконец, впервые узнала о синестезии! День начался как обычно. Я работала на летней работе, лепила лицензированные фигурки для компании, которой требовались в качестве приложений к особым наборам с едой для ресторанов быстрого питания скульптурные изображения известных персонажей мультфильмов, которые воспроизводились миллионами копий и коллекционировались миллионами людей.

В тот день мы вчетвером, все скульпторы, работали в маленькой комнатке. Мы передавали фигурки друг другу по кругу, отдавая их коллеге, каждый раз, когда становилось скучно. До этого я рассказывала своим коллегам о синестезии и выспрашивала, нет ли у кого-то из них чего-то подобного. Конечно, ни у кого такого не было. Я и не настаивала. Обычно я за работой любила слушать музыку, а коллеге рядом больше нравилось, когда по радио о чем-то рассказывают. И вот именно в этот день я не взяла с собой плеер, так как в нем сели батарейки. Вдруг она повернулась к женщине позади меня, осторожно сняла с нее наушники и надела их мне со словами: «Пусть Кэрол послушает».

Я сразу же услышала, как радиоведущий представляет доктора Ричарда Сайтовика, у которого выходила новая книга о синестезии. Вот тогда я и услышала это слово в первый раз. Об этом говорили публично, по радио! Доктор Сайтовик знал о синестезии больше, чем я могла бы узнать за всю свою жизнь. Я была ошеломлена. Я связалась с ним несколько недель спустя. Здесь, в Нью-Йорке, можно не стесняться обратиться к кому угодно в любое время, так мы всегда и делаем, к тому же у меня была целая жизнь без ответа. Интересно, что за всю нашу двадцатиминутную беседу Ричарду так и не удалось сказать ни одного полного предложения. В тот день он щедро поделился со мной своими знаниями, и это изменило мою жизнь.

Препятствия: синестезию у меня может погасить страх. Если вдруг в городе из ниоткуда вскакивает машина и несется по улице, которую

я перехожу, и я бегу, спасая свою жизнь, до ближайшего тротуара, то моя синестезия исчезает. Когда я успокаиваюсь, она возвращается. Она исчезла, когда умерла моя мама, но когда горе отступило, синестезия вернулась. Однажды она сильно ослабла, когда мне нужно было принимать лекарство от инфекции, которую я подцепила в Индии. Синестезия вернулась, когда лекарство сделало свое дело и вышло из организма. Любители караоке просто ужасны, и мне всегда хочется бежать от этих звуков. По-моему, это называется мисфония. Музыка, которая должна звучать в стерео, но один динамик не работает – это все равно что быть глухим на одно ухо.

Усиление: прекрасная музыка, играемая на синтезаторе, вызывает у меня самые приятные цвета. Громкая музыка более красочна, чем мелодичная. Иглоукальвание дает мне изумительные, движущиеся цветные формы. Для своих картин я использую то, что я вижу в ответ на звуки, музыку и во время сеансов иглоукальвания.

Я не знаю, как подавить синестезию или пойти против нее. Все, что я могу сделать, это пытаться игнорировать ее, если то, что я вижу, неприятно. Иногда это возможно, иногда – нет. В 90 % случаев мне нравятся мои синестетические переживания. Они приносят мне пользу и никогда не подводят.

Как вы считаете, как синестезия, которую вы выражаете в своем творчестве, воспринимается другими? Как вы думаете, ваша синестезия изолирует или связывает вас с другими людьми? Могли бы вы использовать свою синестезию более широко в своем творчестве? Стали бы Вы это делать, даже рискуя быть неправильно понятой?

Люди знают, что моя работа основана на синестетических фотизмах, а теперь и на моих гипнагогических видениях. Как синестеты, так и не-синестеты говорили мне, что мои работы им по-настоящему нравятся. Мне говорят, что в моей работе есть что-то близкое, но не могут сказать, что именно. Я верю, что синестезия нас связывает. В своей работе я все время использую синестезию и гипнагогию. Оба явления – важный источник моего вдохновения. То, что я вижу, интригует меня. Хотя часто невозможно уловить большую часть того, что я вижу, и воплотить в одном неподвижном изображении. Иногда я могу написать сразу несколько картин одного и того же опыта, если он приятный.

Обращение к синестезии подтолкнуло меня к необходимости идти вразрез со многими «правилами» традиционного искусства, из-за того, что они не работают. Например, я не использую кисти для рисования, потому что мои видения происходят настолько быстро, что к тому времени, как я смешаю краски и наберу их на кисть, ощущение исчезает. Иногда работа с синестетическими видениями требует новых изобразительных средств, чтобы работать с увиденным. Чтобы создавать свои гипнагогические образы, я научилась пользоваться компьютерным графическим редактором.

Художников и деятелей искусства часто понимают неправильно. Нового в этом ничего нет. Мы, художники, часто идем впереди новых восприятий, новых фактов и технологий. Это означает, что то, что мы создаем, является новым. А новизна требует от людей определенного времени, чтобы понять то, что мы создали в ответ на вдохновившую нас новую информацию.

Совместно с Пат Даффи вы основали Американскую Синестетическую Ассоциацию. Шон Дэй и другие сыграли важную роль в создании АСА. Каковы были ваши первые мысли и стремления сразу после этого? С какими проблемами вы столкнулись в самом начале? Оказалась ли миссия в дальнейшем той же, какой предполагалась изначально? Какие цели преследуют подобные общества преследуют сегодня, когда признание синестезии достигло состояния «замечательного безразличия» (повторяя утверждение Ричарда Цитовича)?

Однажды ноябрьским вечером 1995 года Пат Даффи пришла мне в мансардную студию здесь, в Нью-Йорке. Друг другу нас представил Саймон Бэрн-Коэн, преподаватель из Кембриджа Великобритания. Он решил, что два синестета из одного города непременно должны друг друга знать. В тот вечер нашей встречи мы поведали друг другу о нашем путешествии: о том, как открывали мир своих способностей, о синестезии и многом другом. Мы обе испытывали огромные трудности. Каждый из нас годами пытался получить хоть какую-то информацию. Мы сошлись на том, что каждому из нас знания доставались медленно, скудно и неожиданно. Мы могли узнать слово здесь, определение там – и зачастую они оказывались неполными или ошибочными. Когда мы рассказали друг с другом о наших поисках, мы поняли, что не можем быть единственным и синестетами в мире. Мы решили сделать так, чтобы другим синестетам было легче найти друг друга. В тот вечер и зародилась Американская Синестетическая Ассоциация с двумя действующими членами.

На тот момент уже существовала Международная синестетическая ассоциация, возглавляемая Симоном Бэрн-Коэном. Я связалась с ней. Но она находилась в Англии. Интернет тогда был еще ужасно медленным, и немногие люди имели доступ к компьютеру. Мы хотели иметь свою Ассоциацию в Соединенных Штатах. Я пригласила Шона Дэя и Питера Гроссенбахера присоединиться к работе над первой и единственной некоммерческой Синестетической ассоциацией в мире с государственной поддержкой. Мы втроем сформировали первый департамент АСА. Я нашла юриста, Чайнере Окоронкво, который заключил соглашение с налоговой службой США. Чтобы стать некоммерческой организацией – не самое легкое и быстрое в исполнении дело – мы отвечали на очень специфичные вопросы, заполняли бесчисленное множество правовых форм. Иногда поток запросов казался бесконечным. В

конце концов, в 2004, после восьми лет тяжёлой работы, Американская синестетическая ассоциация, стала некоммерческой организацией с общественным благотворительным статусом.

Цели, в которых основана и управляется наша организация, заключаются в том, чтобы поощрять и способствовать образованию и распространению знания о синестезии, осуществлять поиск людей, обладающих синестезией, продвигать и предоставлять средства для людей и для лиц, заинтересованных в исследовании, истории, теории и полезном применении синестезии, помогать им находить друг друга, способствовать распространению знаний и принятию синестезии и синестетических способностей в США.

Американская синестетическая ассоциация существует уже 24 года и на данный момент членами ее совета являются: Лоренс Маркс, Эдвард Хаббард, Грета Берман, Дафни Маурер и Кэрол Стин. Кроме членов совета, мы благодарны всем, кто все эти годы проводил наши конференции. Это Лоренс Маркс в Йейле, Чарльз Гросс в Принстоне, Рамачандран в университете Сан-Диего в Калифорнии, Линн Робертсон в университете Беркли в Калифорнии, Дэвид Иглман, ныне в Стэнфордском университете, Эрик Одгард в университете южной Флориды, Рэндольф Блейк из университета Вандербильта, Дафни Маурер из университета МакМастера, Берит Брогаард из университета Майами, Робин Кинсбург из Колледж искусств и дизайна Онтарио и Токао Хенш из Гарвардского университета. Кроме того, мы благодарны тем многим синестетам, учёным, художникам, исследователям, кураторам и творческим людям за их вклад в объект познания, доступного тем, кто живёт с синестезией сегодня, использует ее и изучает.

Я думать не могла тогда, в ноябре 1995 года, что синестезия станет настолько известна во всем мире, получит признание, одобрение и даже станет объектом зависти, что появится так много синестетических организаций в разных странах, готовых делиться знаниями. Это замечательно, и большое спасибо Ричарду Сайтову за смелость исследовать эту тему в то время. Я только одна из многих, чья жизнь изменилась благодаря ему.

Нам еще многое предстоит узнать. В то время, как синестезия кажется хорошо изученной, она хорошо известна только в развитых странах. Если многие знаменитости счастливы делиться знанием о том, что они синестеты, то мы еще не охватили синестетов, живущих в странах, имеющих меньше телекоммуникационных ресурсов. Что эти люди из третьих стран знают о синестезии? Кто они? Как они используют ее, если используют? Что они могут рассказать нам?

И здесь остается все еще много вопросов. Мы все еще не знаем границ синестезии, то есть, будешь ли ты с большей вероятностью левшой, если у тебя синестезия, а может быть, обладателем превосходной памяти или плохого чувства ориентации в пространстве, или ты будешь

умнее других или иметь склонность к выбору определенных профессий? Мы до сих пор не знаем ответа на многие из этих вопросов. В действительности, все еще открываются новые формы синестезии. И мы до сих пор не выяснили, почему вообще кто-то является синестетом, а кто-то – нет. Нам еще предстоит много работы. Мы стоим только в начале открытий, и мне интересно, каким будет следующее. Я очень надеюсь, что знание это окажется полезным. Я знакома с некоторыми исследователями, которые пытаются при помощи возможностей одной сенсорной системы преодолеть недостатки другой. Разве не было бы замечательно, если синестезия сможет, например, помочь незрячим людям видеть? Для синестезии и синестетов это очень волнующая тема.

***Перевод:**
Александра Чепанова
Лилия Мубаракшина*